

А. И.
КУПРИН

Избранное

Лазурные берега

Александр Куприн

Средиземная забастовка

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Средиземная забастовка / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1912 — (Лазурные берега)

«Всем памятна прошлогодняя забастовка моряков Средиземного моря – «Великая средиземная забастовка», как ее называли тогда. По правде сказать, она была совершенно достойна такого почетного названия, потому что была проведена и выдержана с необыкновенной настойчивостью и самоотверженностью. Люди упорно не останавливались ни перед голодом, ни даже перед смертью ради общих интересов...»

Александр Иванович Куприн

Средиземная забастовка

Всем памятна прошлогодняя забастовка моряков Средиземного моря – «Великая средиземная забастовка», как ее называли тогда. По правде сказать, она была совершенно достойна такого почетного названия, потому что была проведена и выдержана с необыкновенной настойчивостью и самоотверженностью. Люди упорно не останавливались ни перед голодом, ни даже перед смертью ради общих интересов.

Совершенно случайно, благодаря забастовке, я совершил невольное путешествие по таким городам, в которые никогда не рассчитывал попасть.

Как раз в ту пору один знаменитый русский писатель, которому я навсегда останусь признателен за все, что он для меня сделал, и – главное – светлую и чистую душу которого я глубоко чту, написал мне любезное письмо в Ниццу, приглашая погостить у него несколько дней на самом юге Италии, на островке, где он проживает вот уже несколько лет. Это приглашение радостно взволновало меня. Я тотчас же собрался в дорогу. Со мной поехал мой приятель, русский – парень хотя и немного вздорный, вспыльчивый и шумливый, но прекрасный дорожный товарищ – «килькардаш», как говорят татары. На другой же день мы были в маленьком южном порту, неподалеку от Ниццы, и сейчас же отправились на пристань. Но тут нам, к нашему огорчению и замешательству, сказали, что забастовка охватила уже все порты и гавани Средиземного моря. Громадное общественное волнение вовлекло в себя команды всех грузовых и пассажирских пароходов, и на скорое прекращение его нет никакой надежды.

Возвращаться назад не хотелось, а еще меньше хотелось ехать по железной дороге, да еще по итальянской. Передвижение по узкоколейным дорогам, да еще в страшную жару, сквозь бесчисленные туннели – истинное мучение для меня. В любую погоду меня не укачивает ни в лодке, ни на пароходе, но проезд в поезде в продолжение даже получаса, от Ниццы до Монте-Карло, совершенно разбивает меня и превращает в труп.

– А вы вот что попробуйте, – посоветовал нам очень милый и предупредительный конторщик пакгауза, – сегодня отправляется последний пароход в Геную. Вся команда его – исключительно генуэзцы. Они тоже примкнули к забастовке, но так как в чужом городе им было бы гораздо труднее и неудобнее проводить в героическом бездействии эти тяжелые недели, а может быть, даже месяцы, то забастовочный комитет охотно разрешил им вернуться на родину. Попробуйте дойти с ними до Генуи, а там, быть может, вы найдете какое-нибудь парусное судно, которое захватит вас с собою и дотащит до Неаполя. Правда, это составит два, три дня лишних...

Два, три дня лишних – это вовсе не много, а плавание на большом парусном судне – наиболее живая, прекрасная и здоровая вещь, какую я только знаю. Итак, мы взяли билеты на пароход, набитый пассажирами, как нераскупоренная коробка сардинами, и с чувством неизвестности будущего в душе тронулись в путь.

Путь этот вдоль южных берегов, над которыми мягко синеют горы, пестреют то зеленые платановые рощи, то шелковисто-серебристые оливковые сады, то деревушки, спрятавшиеся в темной курчавой зелени, то развалины древних замков... этот путь очарователен.

Вверху ласковое южное небо, внизу желтый и красный оскол берега, омываемого белыми пенными грядками, густо-синее море вдали, а под пароходом вода иногда светло-бирюзовая, иногда нежно-аквамариновая и такая прозрачная, что, кажется, различаешь дно и каждую рыбку. Лазурных берегов никогда не забудешь, как прелестную сказку.

Но зато и грязны же генуэзские пароходы! В этом смысле, кажется, нет им равных во всем мире. Вдобавок кушанье отвратительно готовят на неизбежном деревянном масле, запах

которого распространяется по всему пароходу от кухни до машинного отделения и пассажирских кают, достигает до палубы и даже до капитанского мостика.

В Генуе нам ничего не сказали утешительного. «На Неаполь нет и долго не будет ни одного парохода или парусного судна». И вот мы решили предать себя воле божией и отправились в гостиницу, сняв по дороге почтительно шляпы перед величественной и правда чудесной статуей молодого Колумба. Гостиница нам попала старинная, о пяти этажах, с узкими, мрачными, темными лестницами и с поразительно грязными комнатами. Из нашего окна был очень живописный вид на большую базарную площадь.

Так как мы приехали очень рано, то застали базар в полном разгаре. Надо сказать, что эти бесчисленные кучи зелени, плодов и фруктов, лангуст, рыбы, мяса и цветов, этот оживленный, подчас неистовый торг между мужчинами и женщинами, это врожденное, даже во время ссоры, изящество движений, эта стройность фигур и яркая красота лиц – очень живописны. Я долго любовался на эту картину. Но настало двенадцать часов, и на базаре появились два полицейских, в черных сюртуках, доходящих до пят, почти без талии, с черными цилиндрами на головах, в белых перчатках и с тростями в руках. Не то альгвазильеры из какой-то старой оперетки, не то наемные члены похоронной процессии. Они медленно прошли вдоль базара, и тотчас же торг был окончен.

Припасы были уложены в корзины, прилавки были убраны, обрезки зелени, рыбная чешуя, увядшие цветы исчезли, точно по волшебству. На площадь была пущена вода, смывшая последний сор, и базар сейчас же опустел. Долго еще оставался на месте один разносчик со своим ослом, впряженным в маленькую тележку. Между животным и его хозяином произошла какая-то ожесточенная ссора, и никто из них не хотел уступить друг другу. Осел кричал на всю Геную самым раздирающим душу голосом, а хозяин старался перекрыть его и при этом сыпал, должно быть, самыми отборными ругательствами и богохульными словами. Хозяин бил мула по голове, по шее и по бокам, а осел старался то ударить его передней ногой, то лягнуть задней. Наконец зеленщик уступил первый. Он сразу перешел к нежному тону и стал говорить ослу какие-то убедительно-разумные, ласковые слова. Наконец и они покинули площадь.